

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 159.9 (092)

В.И. СТРАХОВ

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра психологии образования
E-mail: sarpsy@yandex.ru

Профессор И.В. Страхов как организатор науки

В статье дано описание деятельности и становления ученого Ивана Владимировича Страхова в период 20-х гг. и последующих лет XX в. Активная деятельность И.В. Страхова как организатора науки началась и в полной мере проявилась в Саратове. С полным основанием ученого можно считать основателем Саратовской психологической школы.

Ключевые слова: развитие психологической науки, начало XX в., профессор И.В. Страхов, организация психологической науки в Саратове, научная деятельность И.В. Страхова.

V.I. STRAKHOV

The Professor I.V. Strakhov as the Organizer of the Science

There is the description of features of development of psychology and becoming of scientist Ivan Vladimirovich Strakhov during 20th years and next years XX century in this article. I.V. Strakhov's vigorous activity as organizer of a science has begun and was to the full showed in Saratov. With good reason it is possible to consider the scientist the founder of the Saratov psychological school.

Key words: development of a psychological science, beginning of 20th century, professor I.V. Strakhov, organisation of a psychological science in Saratov, I.V. Strakhov's scientific activity.

Двадцатые годы двадцатого столетия – непростое историческое время для нашей страны. Отнюдь не ставя задачу погружения в исторический обзор состояния психологической науки в нашей стране накануне обращения тогда еще весьма юного И.В. Страхова-студента к исследовательской деятельности (его первая публикация датируется 1926 г., а автору, соответственно, был 21 год) и в последующие годы, наметим легкий абрис непростой социально-научной среды. Послереволюционная психология в советской России была богата различными школами и направлениями, что существенным образом сказалось на научном становлении будущего профессора.

В это время психология характеризовалась высокими достижениями профес-

сиональной исследовательской мысли. Продолжали работать ученые, высоко зарекомендовавшие себя в прежние годы. В научной среде были поддержаны многие зарубежные направления. Так, гештальт-теория и бихевиоризм нашли благодатную почву в России. Существенное развитие получили педология и психотехника. Хрестоматийно известные авторы и их работы того периода были на уровне мирового состояния науки.

Однако, как это бывает на стыке больших социальных событий или явлений, если не сказать потрясений, соответствующие непростые события коснулись и психологии. В частности, имеется в виду тот диспут, который многое предопределил, – это полемика между Г.И. Челпановым и К.Н. Корниловым, сводившаяся к уяснению взаимоотношений

таких категорий, как психология и марксизм. Результат всем известен, равно как и последующее постановление о педологии. Психотехника и педология, естественно, приказали долго жить...

И все же этот исторический период был крайне плодотворным для формирования передовой психологической мысли. Определенная когорта психологов, которые в это время были молодыми людьми и начинали свою научную деятельность, смогла пройти чрезвычайно плодотворную научную школу. Инерция прежних достижений российской психологии, открытость и доступность западных научных направлений и катализирующий эффект современной им жизни вывели этот круг ученых на новый виток развития отечественной психологии. Они смогли получить тот уровень образованности, который в течение следующего отрезка времени уже трудно было получить. Совершенно не случайно часть из них еще долгое время предопределяла развитие психологической науки. Их было, можно сказать, совсем мало. В это трудно поверить, но к началу войны 1941–1945 гг. в СССР было примерно 10 профессоров психологии, но их небольшое количество существенно компенсировалось высоким потенциалом творческих кондиций.

Жизненный опыт трудных лет, доступность достижений мировой науки (что, по сути дела, исчезло в период «борьбы с космополитизмом»), влияние своих учителей разных лет – людей добротной прежней выучки, высокой культуры и нравственности – не могли позитивно не сказаться и на общепсихологической их сформированности.

К таким ученым в полной мере можно отнести и профессора И.В. Страхова. Основанием для такого суждения автора статьи являются, как минимум, следующие обстоятельства: во-первых, реальное включение И.В. Страхова в то время, о котором выше велась речь. Это была определенная часть его жизненного и профессионального времени, он являлся непосредственным современником вышеуказанной группы ученых, которая затем дала ощутимый толчок для следующего витка развития психологической науки. Эти люди входили в круг его общения, деловых контактов и личных отношений.

Во-вторых, хотя научная позиция профессора И.В. Страхова и формировалась под влиянием эпохи, его включение в исследовательскую деятельность в то же время было

очень своеобразным, с четким обозначением своего особого места в общем ряду (что, собственно, просматривается практически у всех его современников – и А.Н. Леонтьева, и А.Р. Лурии, и Б.Г. Ананьева, и других). Его первые работы по психологии типов (1929), эйдетике (1929), психологическом методе (1930) были во многом адаптивны господствующей научной проблематике. Это были работы периода становления научного фундамента ученого, и заметим, что они были выполнены до его 25-летия.

Последующий блок исследований, выполненных И.В. Страховым (мы намеренно схематизируем научную биографию ученого, выхватывая целесообразные для избранного пути реконструкции его творчества), являет собой новый ракурс научного исследования, отразившегося в изучении психологии литературного творчества и психологии педагогического такта.

В-третьих, автор на уровне сыновнего отношения к И.В. Страхову располагает, естественно, большим объемом сведений и непосредственных впечатлений о научном методе профессора, его работе с учениками и сотрудниками, контактах с себе равными, управлении научной группой и практическом построении исследовательского труда.

Как сын ученого, так и сам по себе (в последнем немалую роль сыграло обучение в Москве), я имел возможность познакомиться и общаться с немалым числом ученых, проходивших свой профессиональный путь в те же временные или близкие к ним сроки, что и мой отец. Их отношение к нему было положительным и в определенной мере распространялось и на меня. Именно от этих людей я узнал их оценку профессора И.В. Страхова как ученого и человека. Во всех случаях это были позитивные и очень уважительные высказывания. Из числа психологов, которые в той или иной форме выражали автору данных строк это отношение к И.В. Страхову, укажем Б.Г. Ананьева, Н.Ф. Добрынина, А.А. Смирнова, Е.И. Игнатьева, Н.Д. Левитова, М.В. Гамезу, П.Я. Гальперина, П.А. Рудика, А.Ц. Пуни, В.В. Давыдова, К.К. Платонова, Н.А. Менчинскую, В.А. Артемова, Ф.Н. Гоноболина, П.И. Иванова, Н.Г. Морозову, А.В. Ярмоленко.

Эти люди стали определенным источником моих знаний об отце и понимания его (что существенным образом расширялось и пополнялось многие годы, в том числе и

после его смерти). Одним из каналов обсуждаемых сведений стали его архив и научная библиотека, собиравшаяся с середины 20-х гг. прошлого века. В этой связи, в частности, показательное наличие среди книг библиотеки немалого числа немецких изданий, возможность заказать которые предоставлялась ученым в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века.

Весь представленный экскурс мы сочли нужным предъявить для решения задачи «связи времен», для обеспечения историчности в обсуждении событий более близкого к нам времени. Понимание «исторической идентичности» как личностной и профессионально-научной характеристики профессора И.В. Страхова, безусловно, поможет объективности трактовки его научной и организаторской деятельности.

Активная деятельность И.В. Страхова как организатора науки началась и в полной мере проявилась в Саратове (время его работы в педвузах Иркутска и Гомеля было весьма кратким) – в педагогическом институте, к работе в котором он приступил в 1937 г. и куда попал, будучи одним из самых молодых профессоров-психологов (звание присвоено ему в 29 лет).

Одним из значимых стартовых событий в эти предвоенные годы было формирование в Саратовском пединституте автономной кафедры психологии. Дело в том, что в то время в провинциальных вузах практически не было отдельных кафедр психологии. Они функционировали в объединении с педагогикой, именуясь кафедрами педагогики и психологии. В означенное время решением Народного комиссариата по образованию были образованы три самостоятельные кафедры психологии, причем под конкретных профессоров-заведующих: В.С. Мерлина в Перми, И.В. Страхова в Саратове и Д.Г. Эльконина в Одессе.

Эти новые условия создали предпосылки для начала активных действий, нацеленных на научно-организаторскую деятельность И.В. Страхова. Однако ее начало было приостановлено войной и периодом его работы в Ленинградском университете, который был эвакуирован в Саратов. В 1944 г., когда ЛГУ возвращался в Ленинград, его тогдашний ректор А.А. Вознесенский и заведующий кафедрой психологии Б.Г. Ананьев пригласили И.В. Страхова последовать вместе с университетом, на что он

ответил согласием. В Саратов он вернулся уже после войны.

В первые же послевоенные годы И.В. Страхову была поручена разработка программы и материалов по проведению психологической практики студентов в педвузах. Этот новый вид учебной деятельности получил в исполнении профессора масштабную научную и методическую разработку, кафедра выступила в качестве экспериментальной площадки.

За семь лет (1947–1954), работая по нарастающей, И.В. Страхов подготовил и опубликовал четыре книги научного и методического характера, образовавшие, по сути дела, пакет изданий исчерпывающего обеспечения нового вида учебной деятельности: «Психологическая практика студентов в школе». Саратов, 1949. 164 с.; «Методика и материалы психологической практики студентов в школе». Саратов, 1952. 183 с.; «Психологический анализ методики устного опроса учеников на уроках». Саратов, 1953. 104 с.; «Вопросы психологии внимания в школе». Саратов, 1954. 164 с.

Заглавия представленных работ с очевидностью свидетельствуют о присущей профессору И.В. Страхову позиции научного осмысления каждого вопроса, к рассмотрению которого он обращался, независимо от жанра предмета обсуждения. Приоритетом практически любых видов профессиональной занятости профессора являлся научный аспект анализа. Эта позиция прививалась ученым всем своим сотрудникам и ученикам.

Помимо значительного числа личных публикаций, в числе которых только монографий и других отдельных изданий числится порядка пятидесяти, И.В. Страхов активно вовлекал в коллективные, им руководимые работы-издания как сотрудников кафедры, так и других исследователей. При этом его принципами организации совместной деятельности были следующие: во-первых, полифункциональный подход к предмету изучения, т.е. каждый из подключившихся к исследованию авторов изучал наиболее близкий ему аспект общей проблемы. Эта позиция просматривается во всех редактировавшихся ученым сборниках научных трудов.

Во-вторых, организация исследований – избираемая проблема получала последовательную разработку в значительном для такого вида деятельности числе изданий. Так, психология педагогического такта

в предпринятой под руководством ученого разработке была опубликована в семи томах «Очерков психологии педагогического такта», а «Вопросы психологии внимания» – в 12 выпусках и т.д.

В-третьих, временная организация исследования, что реализуется в следующих позициях: первая – продленное во времени исследование, так вышеобозначенные серийные сборники соответственно потребовали от авторской команды одиннадцати или тринадцати лет работы; вторая – временное совмещение работы над двумя серийными изданиями, как это имело место, например, при подготовке материалов сборника «Урок в школе» (1969–1974) и уже упоминавшегося издания «Вопросы психологии внимания». Кроме того, И.В.Страхов практически всегда руководство коллективной монографией сочетал с проведением личного исследования (сбор материала, анализ и подготовка рукописи).

Стиль управления научной деятельностью И.В. Страхова характеризуется глубоким включением в работу руководимой им группы в сочетании с непрерывной личной научной занятостью. Данные формы его профессиональной работы, требуя умения гибко распределять внимание, позволяли взаимобогащать сочетаемые сферы приложения творческого потенциала ученого.

Подавляющая часть ученых-руководителей кафедр предпочитает концентрировать исследовательскую деятельность со-работающих с ними лиц в зоне относительно узкого круга вопросов, соответствующих их личным интересам. В силу последнего данная тематика, будучи жестко закрепленной за научной группой, в неизменном виде составляет содержание ее исследовательской деятельности. Профессору И.В. Страхову была чужда такая организация научного труда. Нисколько не жертвуя основательностью постановки исследовательской работы, он сам неоднократно обращался к новой научной проблематике (равно как и возвращался к прежней) и вовлекал в эту деятельность своих сотрудников, а также других солидарных с ним ученых. Неизбежным результатом такой организации научного труда было расширение границ профессионального горизонта со-работников ученого.

Обращение к новым исследовательским задачам неизбежно совершенствует исследовательский аппарат ученого, повышает его

научный потенциал. Это обусловлено ознакомлением с доселе далеко не основательно знакомым материалом и инструментом его изучения. Однако коль скоро эта задача решается (а И.В. Страхов всегда первым показывал сотрудникам как следует действовать), то буквально по всем позициям научного роста происходит качественное прибавление. Обсуждаемая процедура имеет и обратный ход: новые научные положения и технологический аппарат, которые продуцируют исследователи, в определенной мере переносятся на прежнюю проблематику. Данная процедура рано или поздно, безусловно, как-то применяется в деятельности исследователя, когда он вновь обращается к предмету предшествующего исследования.

Научный склад профессора И.В. Страхова, его личная самоорганизация исследовательской деятельности во многом сходны с аналогичными показателями ученых прежнего времени, которым был присущ широкий охват науки. То, что профессору такое было доступно уже в наше время, – это определенная исключительность, характеризующая его высокий научный потенциал. Хотя мы это считаем и лишним, но для вероятных скептиков заметим, что в каждом новом своем научном выявлении И.В. Страхов оставлял ощутимый исследовательский след (так что ни о какой поверхностности его продукции речь никак вестись не может).

В этой связи, опуская многое, укажем на некоторые из чередовавшихся в опыте ученого научные направления (начнем с 1960 г.): психология педагогического такта, психология внимания, психология литературного творчества, психология школьного урока, психология музыкальных представлений, психология высшей школы. Разработка каждого блока данной тематики подкреплялась монографиями ученого и редактированием соответствующего серийного тематического сборника. В свете сказанного можно заключить, что ведущим инструментом организации науки, управления ею для профессора И.В. Страхова была собственно научная деятельность. Он был чужд каких-либо громогласных заявлений и широковежательных формальных заявок, а предпочитал воздействовать посредством делового предложения, предварительно им тщательно продуманного и обеспеченного четкой методической и методологической базой – обоснованием. Не будем забывать, что его аудито-

рия состояла из научно квалифицированных слушателей, из его же учеников, так что понимание с этой стороны было обеспечено.

Видимо, имеет смысл сказать, что оперативное управление научным процессом было предварено процедурой создания кафедральной группы единомышленников, что является сложное, опережающе-перспективное организационно-научное действие – создание благоприятной социальной среды, управляемого социума. Предварительная подготовка научных кадров, выведение их на уровень позитивно направленной заинтересованной ансамблевости, то есть создание работоспособной, целеустремленной, обладающей единой научной позицией рабочей группы, исключала необходимость традиционного формального управления.

Вообще, принцип опережения был часто употребляемым инструментом в управляющих действиях И.В. Страхова. Так, значительная часть его учеников – аспирантов-диссертантов – была «присмотрена» им загодя, еще в их студенческие годы, и главной проверкой при этом было выполнение дипломной работы. Руководил он научной работой и людей «со стороны», и даже при большой географической дистантности, поскольку круг обращавшихся к нему за научным руководством был немалым. Организация научной работы осуществлялась преимущественно при посредстве индивидуального общения, профессор был чужд широких многолюдных собраний, хотя и был мастером общения на уровне больших аудиторий. В контексте последнего сошлемся на заявленный И.В. Страховым авторитет публичного лектора, в частности в период его работы в Ленинградском университете во второй половине 40-х гг. прошлого века. В ту пору значительный круг культурных людей охотно посещал, как тогда выражались, лектории. Война не истребила познавательный интерес ленинградцев, скорее наоборот, обострила его. В архиве И.В. Страхова хранятся миниатюры, приглашающие на его лекции, и положительные газетные рецензии. Не есть ли это своеобразная школа организации познавательных, научно-содержательных процессов?

Это искусство неоднократно помогало ему успешно противостоять дежурным ораторам в годы всевозможных «проработок», направленных против ученых. Его абсолютный выдержанный манера выступления, ровный спокойный голос и безукоризненная и логич-

ная речь обезоруживали агрессивных демагогов. Речевая культура и профессиональная компетентность вкупе с оперативным реагированием на смену ситуативной обстановки и адекватной оценкой оппонента обеспечивали успех выступлений И.В. Страхова.

В контексте представляемого материала никак не может быть обойден вопрос о подготовке И.В. Страховым научного резерва психологии – его работе с аспирантами. Показательно, что насколько тематически разнообразен был спектр проводимых им в разное время исследований, столь же широка проблематика диссертаций, подготовленных под его руководством. Это работы по проблемам характерологии, а точнее, о нравственных чувствах и привычках; по психологии творчества; по проблемам возрастной психологии, музыкальной деятельности, педагогическому такту, вниманию и типологии темпераментов и др. В общей сложности под руководством профессора И.В. Страхова было подготовлено и защищено 20 диссертаций.

Приведенный перечень тематик и диссертационных работ, выполненных под руководством профессора И.В. Страхова, позволяет нам вновь кратко обратиться к коллективным монографиям (тематическим серийным сборникам научных трудов), выходящим под его редакцией. Мы имеем возможность познакомиться с теми источниками, которые питали широту разброса научных интересов И.В. Страхова и вариативность «приложения» данного феномена. В лично составленном профессором списке «отдельных работ» числится 53 издания, которые были напечатаны в период с 1947 по 1985 г. (год смерти ученого). Подобная продуктивность могла быть украшением отчета иного научного исследовательского института.

Деятельность И.В. Страхова, реализующая задачи организации науки, не ограничивалась рамками кафедры, а затрагивала наш регион, выходила на уровень нынешней российской науки в рамках СССР. Эта сфера влияния, в ряду прочего, реализовалась в рамках Общества психологов СССР, в котором он занимал должность председателя Саратовского отделения и члена президиума центрального совета.

Работая в этих научно-общественных органах, профессор И.В. Страхов участвовал в решении многих масштабных вопросов развития психологии в нашей стране, принимал активное участие в работе съезда Общества

психологов. Эта деятельность нашла отражение в проведении большого числа научных конференций Саратовского отделения Общества психологов и издании тезисов докладов этих конференций (что в ту трудную для публикаций пору являлось своеобразной «отдушиной»).

Как представитель своего поколения (о котором мы писали в начале данной статьи) и будучи несколько младше многих ученых, в «провинциальной психологии» он занимал отдельное и высокое место, во всяком случае, в глазах общественного мнения делил его буквально с 2–3 исследователями в обсуждаемой сфере знания. Его появление на научных конференциях обычно привлекало внимание и вызывало почтительное отношение, что, возможно, объяснялось редкостью подобных его вояжей. Ученому была чужда избыточная публичность. Он не был традиционно «дежурным» участником научных собраний.

Это был человек преимущественно кабинетного труда. В его квартире, по сути дела, было два кабинета и соответственно два письменных стола, и весьма часто находящиеся в работе рукописи могли находиться в обеих этих точках. Данная форма труда практически была бесперерывной. Эту форму работы ученого, его трудовые привычки мы воспроизводим не только для достижения «живости» его портрета, но и в контексте центрального и ключевого понятия статьи – управленческо-организаторского потенциала профессора И.В. Страхова. Такая организация его труда была известна ближайшим сотрудникам. Посещая его дома, они были свидетелями творческих привычек ученого, и их впечатления затем оказывались достоянием более широкого круга коллег. Конечно, это не могло их всех подтолкнуть к аналогичной форме работы, но соответствующая подвижка в этом отношении у некоторых из них действительно происходила.

Последним небольшим сюжетом мы завершаем рассуждения о профессоре И.В. Страхове как организаторе науки. Его метод следует квалифицировать как многокомпонентную структуру, включающую в себя капитальное, умеренно «размерное» и микроуровневое воздействие. Суть успеха профессора определяется ансамблевой слаженностью его управления.

При этом преимущество такого воздействия заключалось в психологическом факторе, профессиональном авторитете ученого, демонстрируемом им личным опытом научной деятельности. И.В. Страхов не был склонен к объемной форме (тем более подкрепляемой вариативной экспрессивностью) вербального воздействия: его высказывания были краткими и звучали негромко, если не сказать тихо, от чего эффективность воздействия только возрастала. За каждым побуждающим обращением ученого чувствовались «вживую» демонстрируемый и на этой основе воспринимаемый его практический опыт и высокая профессиональная компетентность. Без какого-либо жесткого нажима со стороны заведующего кафедрой почти всегда достигался нужный для него эффект, и у подчиненных не возникало переживания принуждения, предлагаемый образ действия перерастал в личную позицию сотрудников профессора.

И.В. Страхов успешно реализовал им же разработанную формулу единства обращения и отношения, о которой он, в частности, писал в своей монографии «Психология педагогического такта» (1966, 280 с.). Сама категория, которой посвящена данная книга, выявлялась у И.В. Страхова на уровне устойчивого нравственно-профессионального характерологического качества, естественно, включенного в психологический аппарат его деятельности по организации науки во всех ее приложениях.

Библиографический список

1. *Страхов В.И.* Фрагменты жизненной и научной биографии профессора Ивана Владимировича Страхова // *Материалы Двенадцатых страховских чтений.* Саратов, 2003. С. 5–13.
2. *Страхов В.И.* Научные традиции кафедры педагогической психологии // *Материалы Одиннадцатых страховских чтений.* Саратов, 2002. С. 5–12.
3. *Богданчиков С.А., Страхов В.И.* Проблемы психологии литературного творчества в работах И.В. Страхова // *И.В. Страхов. Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог).* М.; Воронеж, 1998. С. 5–17.
4. *Воронов Ю.С.* Памятное о встречах с профессором Страховым Иваном Владимировичем // *И.В. Страхов. Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог).* М.; Воронеж, 1998. С. 8–11.
5. *Богданчиков С.А.* Из истории психологии: о докторской диссертации профессора И.В. Страхова // *Материалы Шестых страховских чтений.* Саратов, 1997. С. 12–14.